

СОВРЕМЕННЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ РАДИКАЛИЗМ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Валерий Викторович Энгель (engel@inpsycho.ru)

Центр мониторинга и компаративного анализа
межкультурных коммуникаций (ЦМКА),
Московский институт психоанализа, Россия

Цитирование: Энгель В. (2019) Современный европейский радикализм: компаративный анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(1): 138–161.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.7>

Аннотация. Описывается европейская общественно-политическая модель генерации ксенофобии и радикализма («кольцо ксенофобии»), которая сформировалась в странах Западной и Восточной Европы. Новизна работы состоит в том, что впервые анализ дается на примере широкой выборки европейских стран, причем как входящих в ЕС, так и не входящих в него. Используя методы компаративного анализа на примере 15 европейских стран, автор прослеживает общие тенденции формирования ксенофобских настроений и, главное, роль государства и политических игроков в этом процессе. При этом он приходит к выводу, что формирование ксенофобских и радикальных настроений в Европе — это процесс, полностью отвечающий интересам не только ультрарадикальных партий и групп, но и правящих элит, поскольку позволяет оставаться у власти бесконечно долго, пока существует ксенофобски настроенный избиратель. Ради этого элита идет на явные и скрытые союзы с праворадикальными партиями, присутствующими в парламентах Европы. Однако у этого явления есть и другая сторона — постепенное сползание общества и политических элит вправо и коррозия демократических институтов. Отдельное внимание уделяется рассматриваемым проблемам в России, анализируются как общие тенденции, связанные с темой ксенофобии и радикализма в Европе, так и отличия российской ситуации. При этом делается вывод о том, что в РФ в силу объективных и субъективных причин сложилась ситуация, когда, с одной стороны обеспечивается снижение ксенофобии и радикализма в российском обществе, а с другой — гарантируется защита от ассимиляции российским меньшинствам, что существенно облегчает им процесс интеграции. Однако это равновесие хрупкое, которое существует до тех пор, пока не меняется структура и объем миграционных потоков и поддерживается приемлемый уровень единства российской политической нации, что сегодня в значительной степени обеспечивается за счет внешних факторов.

Ключевые слова: ксенофобия, радикализм, меньшинства, ассимиляция, преступления ненависти, интеграция.

Постановка проблемы

Последнее десятилетие, и особенно последние пять лет, ознаменовались резким ростом влияния правых и левых радикальных партий на Европейском континенте. В таких странах, как Италия, Дания, Греция, Австрия, Польша, Украина и Латвия, они пришли к власти, войдя в правительственные коалиции и даже возглавив их (Италия, Греция). В Германии, Словакии, Хорватии, Испании, Португалии и Венгрии и некоторых других они смогли значительно усилить свое положение в рядах парламентской оппозиции. В Британии радикалы в лице Партии независимости Великобритании (UKIP) добились выхода страны из ЕС.

Что явилось причиной таких изменений? Может ли это означать начало конца классического европейского либерализма и трансформацию общественно-политического тренда в сторону авторитаризма и частичного отказа от демократии, наподобие тех изменений, которые произошли в целом ряде стран в первой трети XX в.? Почему стремление к радикальным социальным изменениям, ксенофобия и агрессивный национализм стали растущим трендом в европейской политике и каковы перспективы российского радикализма?

Состояние исследований

Эти вопросы волнуют сегодня многих ученых в разных странах мира. В постсоветской России регулярные исследования радикализма на основе компаративного анализа европейских стран до недавнего времени практически не проводились. Исключение составляет Информационно-аналитический центр «Сова». Специализация центра — мониторинг российского радикализма, однако в 2015 г. вышла аналитическая статья директора центра А. Верховского «Уголовное право стран ОБСЕ против преступлений ненависти, возбуждения ненависти и языка вражды» (Верховский 2015). В ней представлен детальный анализ правовых норм, направленных против радикальных организаций, что весьма полезно для анализа правоприменительной практики в странах Европы, но не дает ответа на поставленные в настоящей статье вопросы.

В 2014 г. в Институте этнологии и антропологии РАН был подготовлен доклад Сети этнологического мониторинга «Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году» под редакцией академика В.А. Тишкова и кандидата исторических наук В.В. Степанова, где во второй части, посвященной конфликтам и проблеме их преодоления, анализируются межэтнические конфликты на Украине, в отдельных регионах РФ, Южной Осетии, а также в Таджикистане — на границе в Кир-

гизией (Тишков, Степанов 2014). Частично там дается объяснение роста влияния радикальных групп: падение доверия к государственным органам, коррупция, отсутствие привлекательной идеологии, социальная напряженность, связанная с многоэтничным составом населения, а также широким присутствием иммигрантов и, наконец, банальная ксенофобия, вызванная изменением социальной среды. В этой связи, по мнению авторов, простые радикальные решения, предлагаемые ультраправыми группировками, начинают казаться привлекательными.

Стоит выделить также работы доктора философских наук А. В. Опалева по молодежному радикализму в России, в которых он приходит к выводу о том, что причиной распространения радикализма в молодежной среде является отсутствие удовлетворяющей молодежь «справедливой» идеологии, «конфликт поколений», когда молодежь отрицает прежний социально-культурный опыт, недостаточное внимание к воспитанию подрастающего поколения со стороны государства и т.д. (Опалев 2015: 31–33).

Заслуживают внимание исследования доктора исторических наук Виктора Шнирельмана, который написал целый ряд работ, посвященных исследованиям российского радикального национализма. В свете нашей темы следует обратить внимание на исследования ученого, посвященные идеологии современного расизма, которые доказывают, что на смену биологическому расизму приходит культурный и другие виды расизма, что облегчает понимание современных процессов, происходящих в обществе европейских стран (Шнирельман 2011).

Более активно проблемой анализа причин возникновения радикальных групп, их идеологии и влияния на общество в Европе XXI в. занимаются западные исследователи. Так, старший преподаватель факультета политологии Йоркского университета в Британии доктор София Василуполу считает, что главной причиной ксенофобии и радикализма стала евробюрократия, приведшая к такому проявлению национализма, как евроскептицизм (Vasiloupolou 2018). Доктор Йенс Ридгрэн в предисловии к последнему Оксфордскому сборнику о правом радикализме также пишет о культурном расизме как важной составляющей новой праворадикальной идеологии (Rydgren 2018). Доктор Л. Дэвис из Юнион-колледжа (г. Скенектади, штат Нью-Йорк, США) и доктор С. Деоле из университета Мартина-Лютера (г. Галле-Виттенберг, Германия) считают, что главной причиной роста радикальных настроений является общий рост иммиграции в Европу за последние годы (Davis, Deole 2017). Этой же точки зрения, т.е. особой роли миграционного кризиса, придерживаются большинство западных авторов (Halla, Wagner, Zweimüller 2016; Harmon 2017; Alkis, Stein-

hardt 2014; Chrysovalantis 2016 и др.). При этом они считают, что главной проблемой иммиграции являются культурные отличия иммигрантов от коренного населения Европы. Такого же мнения и, например, сотрудники университета в Цюрихе профессор Беатрис Брюннер и профессор Андреас Кюн (Brunner, Kuhn 2014) и многие другие. Ряд авторов, например американский исследователь из Университета Маскингам в штате Огайо Ясон Керберг, утверждают, что основной фактор, который позволил увеличить влияние радикальных партий в Европе — это социальный консерватизм, прежде всего опасение избирателей за свои рабочие места в связи с переводом производства в развивающиеся страны и иммиграцией трудоспособного населения из этих стран в Европу (Kehrberg 2015). Наконец, профессор Кристиан Дустман из University College в Лондоне считает, что успех радикалов в Европе связан лишь опосредованно с иммиграцией, поскольку она подстегнула процесс урбанизации европейских стран со всеми свойственными ему проблемами, в том числе ростом безработицы (Dustmann, Vasiljeva, Damm 2016).

Одно из самых последних и всесторонних исследований вышло в июне 2017 г. в Британии. Оно было посвящено антииммигрантским настроениям в связи с выходом этой страны из ЕС (Brexit). В этом исследовании авторами Роуз Мелеади, Чарльзом Р. Сегером и Марикой Верм было обнаружено, что ксенофобия являлась самым значимым мотивом при голосовании по Brexit (0,51) по сравнению с политическим консерватизмом (0,43), отрицательным контактам с мигрантами (0,43) и возрастом (0,15) (Johnston 2017). Более того, они опросили чуть более 400 человек до голосования на референдуме по Brexit в 2016 г. и их исследование показало, что те, у кого были более позитивные контакты с мигрантами из стран ЕС, кто был менее подвержен синдрому ксенофобии, как правило, имел более сильное намерение голосовать за то, чтобы остаться в ЕС (Meleady, Seger, Vermue 2017: 799–808). Дополнительное исследование, проведенное в ноябре 2017 г. под руководством группы ученых в Гольдсмитском университете в Лондоне (Goldsmiths University of London), вновь подтвердило, что ксенофобия была сильным прогностическим фактором в успешном голосовании за выход из ЕС в июне 2016 г. (Gabbatiss 2017).

Методы и источники

Основным методом нашего исследования является компаративный анализ проявлений ксенофобии и радикализма в Европе на основе данных социологических опросов и информации полицейских органов 15 стран, включая Россию.

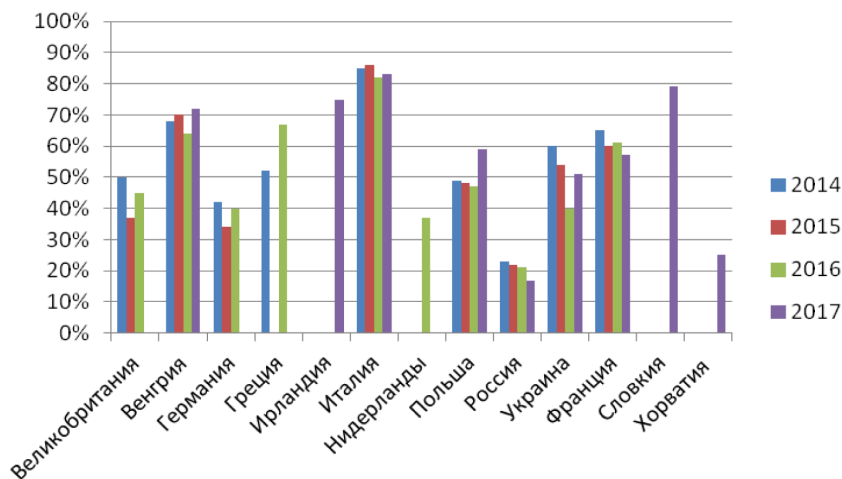

Рис. 1. Антиромские настроения, 2014–2017 гг.

Действительно, если посмотреть на результаты опросов общественного мнения, то можно констатировать, что в целом уровень ксенофобии существенно вырос, в том числе в 2017 г.

Так, антиромские настроения увеличились во всех странах, проводивших соответствующие опросы общественного мнения, кроме России (17 %) и Франции (57 %) (рис. 1). Это единственные государства, где отношение к цыганам за год незначительно улучшилось, причем в обеих странах — на 4 %. Уровень антицыганских настроений продолжает оставаться в целом ряде стран недопустимо высоким — в Италии (83 %: рост +1 %), Венгрии (72 %: +8 %), Ирландии (75 %), Словакии (79 %), Польше (59 %: +12 %) и т.д. (Энгель 2018а: 48).

Антисемитизм (рис. 2) за последний год вырос в Италии (25 %: +1 %), Венгрии (27 %: +7 %) и Франции (20 %: +10 %). Высокие уровни юдофобии при минимальном еврейском присутствии демонстрирует Польша (33 %), хотя это и лучше на 4 %, чем было в 2016 г., Словакия (30 %) и Украина (29 %) (Энгель 2018а: 49).

Растет и уровень исламофобии (рис. 3). Только в Италии и России этот показатель улучшился на 9 % (60 и 4 % соответственно составляет порог нетерпимости к мусульманам), в Польше — на 4 % (62 %). На том же уровне (72 %) второй год подряд держится число тех, кто отрицательно относится к мусульманам, в Венгрии. При этом на 8 % вырос уровень исламофобии в Британии (36 %), на 5 % — во Франции (34 %), на 4 % — в Германии (33 %) (Энгель 2018а: 53).

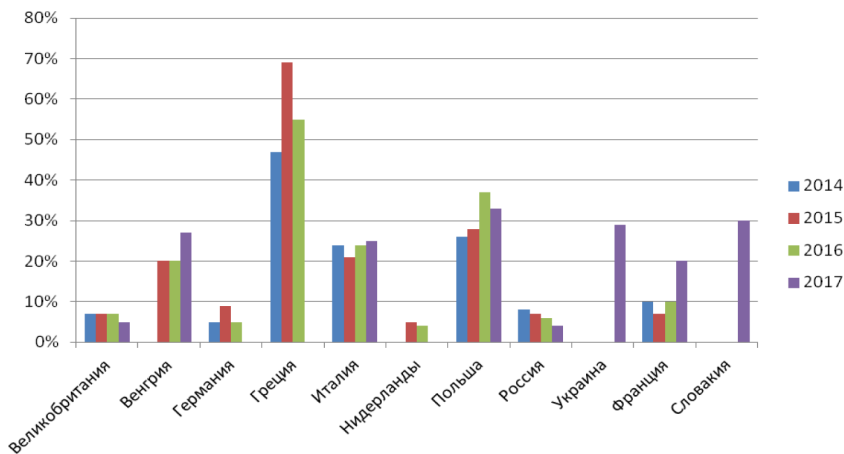

Рис. 2. Динамика антисемитских настроений в 2014–2017 гг.

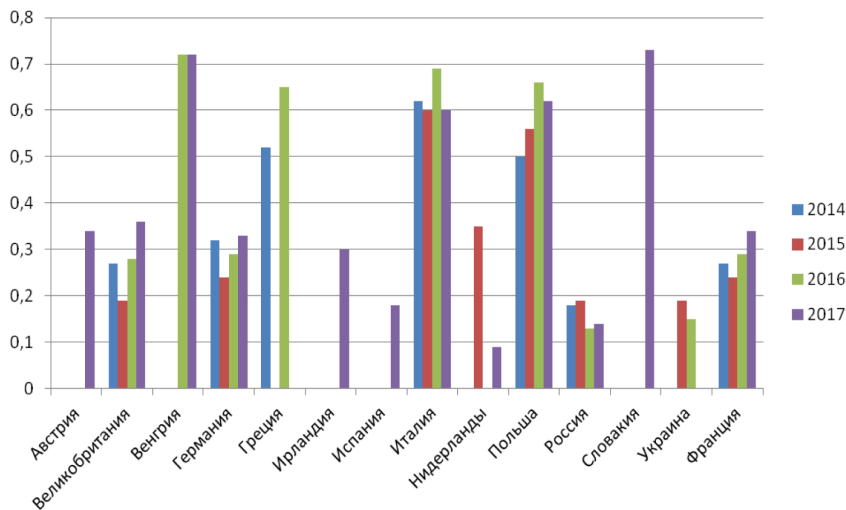

Рис. 3. Динамика антиисламских настроений

Таким образом, уровень ненависти активно растет. Примерно то же наблюдается и с преступлениями на почве ненависти. Статистика говорит о росте числа таких преступлений, что лишний раз подтверждает вывод об опасном повышении градуса вражды в обществе европейских стран (Ксенофобия, радикализм... 2018: 87–118). Более того, за последний год

усиливается прирост насильственных преступлений. В Англии и Уэльсе он составил 40,3 %, во Франции — 11,4 %, в Греции — более 160 %, в Италии — 17,35 %, в Польше — 39,2 % и т.д. Позитивная динамика прослеживается только в двух странах — в Германии (–30,5 %) и России (–32,5 %) (Энгель 2018а: 90–107).

Все это подтверждает выводы большинства исследователей о том, что высокий уровень радикализма за последние годы в странах Европы стал прежде всего результатом возросшего уровня ксенофобии. В то же время большинство экспертов сходятся во мнении, что сама ксенофобия есть следствие миграционного кризиса. Исходя из этого стоит предположить, что мигрантофобия должна быть самой быстрорастущей частью ксенофобских процессов в обществе, их драйвером. Однако это не так.

Отношение к мигрантам за последний год существенно улучшилось — мигрантофобия в Европе в среднем сократилась на 15 %. Причем в Италии падение составило 14 % (общий показатель — 66 %), в Венгрии — 20 % (62 %), Польше — 12 % (63 %), Греции — 15,3 % (54,7 %), России — 10 % (58 %), Британии — 16 % (34 %) и т.д. (Энгель 2018: 54–56). В Соединенном Королевстве это вызвано Брекситом, в остальной Европе — реальным сокращением миграционных потоков и большой работой, которую проводят международные организации, прежде всего офис Верховного комиссара по делам беженцев ООН, правительства отдельных стран, по разъяснению социального портрета беженцев. Они стараются показать, что эти люди действительно стали жертвами военных конфликтов, голода и внутренних междоусобиц, а не являются соискателями социальных пособий и высоких зарплат.

Итак, мигрантофобия падает, но общий уровень ксенофобии и связанной с ней преступностью на почве ненависти растет, причем весьма быстрыми темпами (Энгель 2018а: 87–118). Это говорит о том, что ситуация намного сложнее и существуют иные причины, которые разгоняют маховик вражды. Возникает также вопрос, почему по-иному ситуация складывается в России, где третий год подряд регистрируется все меньше преступлений экстремистского характера, а уровень ксенофобии также снижается? При этом число мигрантов в 2016–2018 гг. неуклонно росло (Министерство внутренних дел Российской Федерации... 2018).

Следовательно, механизмы формирования ксенофобских и радикальных настроений в обществе более сложные, и они остаются неисследованными. Неисследованной также остается тема влияния государства, его национальной и религиозной политики, различных политических сил на генерацию ксенофобии и радикализма, а также влияние этих факторов на электоральные процессы.

Таким образом, цель нашей работы состоит в том, чтобы, используя методы компаративного анализа политики в отношении меньшинств в разных странах, деятельности радикальных групп различного толка, а также настроений избирателей, восполнить этот пробел.

С этой целью по инициативе Центра мониторинга и компаративного анализа межкультурных коммуникаций была создана исследовательская группа, куда вошли представители различных российских и зарубежных университетов и научных центров, задачей которых было проведение экспертизы по единой методике. Таким образом были проанализированы законодательство, правоприменительные практики, статистика и характер преступлений на почве ненависти, уровень ксенофобии населения, позиция власти в отношении современных вызовов, связанных с миграционным кризисом и положением меньшинств, а также активность радикальных группировок разных направленностей.

Анализ проводился на основе 15 стран, 13 из которых являются членами ЕС (Австрия, Британия, Венгрия, Германия, Греция, Италия, Испания, Ирландия, Нидерланды, Польша, Словакия, Франция, Хорватия), а две — Россия и Украина — оказывают значительное влияние на экономическое и политическое развитие Европы, миграционные потоки и т.д.

В результате участники проекта подготовили доклады по заданной матрице по каждой из этих стран (Гражданская нация 2018). Полученные результаты были обобщены, и на их основе был подготовлен доклад, который стал базой для нашего исследования (Энгель 2018b).

Результаты

В статье в развитие проведенного исследования дан обзор действий правительств, правящих политических элит, механизмы формирования ксенофобских настроений в обществе и роста влияния радикальных партий и групп с целью выяснения природы ксенофобских и радикальных проявлений в обществе стран мониторинга.

Анализ межнациональных и межрелигиозных отношений в странах мониторинга показывает, что ксенофобские настроения, а также рост радикализма в обществе являются следствием функционирования сложной системы, которая самостоятельно генерирует ксенофобию и радикальные настроения в крупных масштабах. В этой системе задействованы самые разные политические силы, причем не только те, которые мы называем экстремистскими. В определенном смысле немалую роль здесь играет и государство, которое устанавливает правила игры, в том числе правила интеграции меньшинств.

Государства в Европе различают два вида меньшинств, причем некоторые страны закрепляют эту дифференциацию во внутреннем законодательстве, а также в международных документах. Речь идет о так называемых «коренных» и «некоренных» меньшинствах. Целый ряд стран стремится ограничить список своих национальных меньшинств, включив в него малочисленные коренные народы и исключив наиболее многочисленные некоренные. Эти страны присоединились к Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств, сделав при этом существенные оговорки, поскольку ст. 3 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств гласит, что «любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободно выбирать, считаться таковым или нет» (Framework Convention... 1995).

Как правило, к коренным меньшинствам в Европе относят небольшие этнические группы, исторически проживающие на этой территории (сербь, фризы, датчане — в Германии, ирландцы, валлийцы и шотландцы — в Британии, немцы, албанцы, греки, фриулы, сарды и ряд других — в Италии и т.д.). Под эту категорию не попадают все так называемые «новые» этнические и языковые группы меньшинств, которые сравнительно недавно обосновались на этой территории, например турки, арабы или выходцы из бывшей Югославии.

Интеграция в отношении коренных меньшинств происходит в подавляющем большинстве в соответствии с требованиями Рамочной конвенции или Европейской хартии региональных языков (Европейская хартия... 1992), то есть обеспечивается доступность образования на языках этих меньшинств, их использование в качестве средства внутрирегионального, а иногда и внутригосударственного общения, в том числе с органами власти и в топографических обозначениях. Исключается любая дискриминация, связанная с принадлежностью к данному меньшинству, обеспечивается равенство во всех областях экономической, социальной, политической и культурной жизни между большинством и этим меньшинством.

Что же касается некоренных или «новых меньшинств», то здесь ситуация совершенно иная, поскольку для этой категории государство в Европе оставляет, как правило, единственную модель интеграции — ассимиляцию.

Наиболее тяжелая ситуация — во Франции и Греции, которые вообще не признают наличие этнических меньшинств. Эти страны не подписали ни Рамочную конвенцию, ни Европейскую хартию. Однако даже в тех странах, которые подписали эти документы и формально признают полное равенство, ситуация мало чем отличается.

Например, в Британии, которая формально признает все национальные меньшинства, проживающие на ее территории, единственным государственным и административным языком является английский. Исключение сделано для валлийского в Уэльсе, гэльского в Шотландии и ирландского в Северной Ирландии, которые обладают по сути дела правами региональных языков. Эти языки и культура имеют особые преференции. Использование других языков в делопроизводстве или общении с административными органами возможным не представляется. В области образования власти также придерживаются жесткой позиции, согласно которой английский язык является единственным языком обучения. И это при том, что в стране проживают представители более 200 этносов и 60 языковых групп. Единственной государственной религией остается англиканская. Это отражается и на образовательном процессе. Британское правительство, по данным на 2015 г., профинансировало только две мусульманские школы — в Бренте (Brent) и Бирмингеме, считая, что только они удовлетворяют требованиям, предъявляемым к государственным школам. Иными словами, в Великобритании мы имеем ту же ассимиляционную модель, только более либеральную, чем, скажем, в Германии, которая сделала оговорки к Рамочной конвенции при ее подписании (Энгель 2015: 10).

Такая политика в отношении некоренных меньшинств ведет к их радикализации — ассимиляционная модель отвергается в среднем 25–28 % тех, кому она предназначена. Как правило, это вынужденные переселенцы — беженцы из зон военных конфликтов и т.д. Они не готовы к смене своей идентичности.

Что же такое ассимиляция? *Ассимиляция — это потеря одной частью социума (или целым этносом) своих отличительных черт и их замена на черты, позаимствованные у другой части социума (другого этноса).*

Дискриминационные условия для регистрации религиозных общин, как в Австрии, языковая дискриминация при осуществлении религиозного культа, как в Италии, временное изъятие детей из семей иммигрантов для того, чтобы они приобщались к европейским, а по сути, к христианским ценностям, как в Дании, или запрет на обучение в школах национальных меньшинств на языках национальных меньшинств, как в Латвии и на Украине, даже запрет на религиозные головные уборы, как во Франции и многих других странах ЕС, — все это ассимиляция, причем с элементами насилия, поскольку людей лишают права выбора. Люди, отвергающие ассимиляцию, замыкаются в созданных ими самими гетто, где становятся жертвами радикалов разных мастей. И это самая главная

проблема. В 2017 г. доля мусульман, например не имеющих и не стремящихся иметь каких-либо контактов с немусульманами и вообще с коренными жителями стран пребывания, составила во Франции и Германии 22 %, в Британии и Австрии — 32 и 38 % соответственно (Tyler Cowen 2017).

Эту ситуацию активно используют политические игроки, стремящиеся получить политические дивиденды. И это не только сами радикалы. Основным игроком на этом поле являются консервативные партии и партии правого центра, прежде всего те, которые находятся у власти. Они становятся главными бенефициарами этой игры. Миграционный кризис застал многих из них врасплох. Но, наблюдая рост популярности праворадикальных взглядов среди растущей части своих избирателей, эти партии не захотели отдавать их крайне правым. Они начали играть на праворадикальном поле, быстро научившись переигрывать ультраправых. Они проиграли единственный раз — в Британии, когда решили разыграть карту Brexit. Но в остальных случаях элита всегда побеждала. В таких странах, как Франция, Венгрия, Нидерланды, Польша и Украина, правящим удалось в 2016–2018 гг. переиграть праворадикалов на их же поле, эффективно использовав антимиграционную и националистическую карты.

Так, в Нидерландах было принято жесткое антитеррористическое законодательство, разрешающее без суда лишать голландского подданства и объявлять нежелательными иностранцами тех лиц, которые, по данным спецслужб, участвовали в боевых действиях или финансировали терроризм, были членами экстремистских группировок (Netherlands: Three New Laws... 2017). Это, а также жесткая риторика кандидата в премьеры М. Рютте (Netherlands PM... 2017) в ходе избирательной кампании 2018 г. позволили его правящей Народной партии за свободу и демократию одержать победу на выборах вопреки всем прогнозам, сулившим победу праворадикальной «Свободе» Г. Вильдерса.

В Венгрии и Польше правоцентристские правительства активно использовали миграционный кризис для разжигания страха у простых избирателей перед мигрантами и мусульманами, перехватив инициативу у радикалов. В частности, в Венгрии был проведен так называемый «референдум» о желании граждан страны видеть у себя мигрантов, проводившийся, по оценке международных организаций, с нарушением всех правил, с использованием ресурса государственных СМИ и т.д. (Barna Pldikó, Hunyadi Bulcsú 2017). Референдум показал, что для ксенофобии совершенно необязателен предмет фобии: 98 из 43 % проголосовавших граждан Венгрии — страны, где минимально присутствие мигрантов, — высказались против политики по приему беженцев. В итоге поляки и вен-

гры продемонстрировали в 2016–2017 гг. самые высокие в Европе показатели мигрантофобии и ненависти к мусульманам (Ксенофобия, радикализм... 2018: 53, 55). При этом правящие партии — «Фидес» (Fidesz) в Венгрии и «Право и справедливость» (Prawo i Sprawiedliwość — PiS) в Польше — увеличили свои рейтинги, а, например, неонацисты из партии Йоббик вынуждены были дистанцироваться от темы мигрантов (Ildikó, Bulcsú 2017: 16–17).

На Украине правящие партии практически перехватили националистическую русофобскую повестку дня, активно занявшись продвижением украинского языка и культуры за счет языка и культуры меньшинств. Такая же ситуация произошла и в Латвии, где главным драйвером дискриминационного закона об образовании, практически уничтожившим русские школы, была позиционирующая себя в качестве «либеральной» партия «Единство», к которой принадлежал министр образования Шадурскис. В итоге партия, несмотря на низкие рейтинги, прошла в сейм на выборах 2018 г., а праворадикалы из партии «Все Латвии», даже включив тему дискриминации русского образования в свою партийную программу, получили на четыре места меньше, чем в 2013 г. (ЦИК Латвии... 2018).

Очевидно, однако, что правящие партии, играя на праворадикальном поле, волей или неволей вынуждены дрейфовать вправо. То есть вместо того, чтобы гасить ксенофобию, правящие играют на ксенофобских чувствах, а иногда и всячески содействуют росту этих предрассудков. И это отражается на общей ситуации в стране.

Вторым игроком и еще одной группой бенефициаров являются парламентские праворадикальные и популистские партии, которые, понимая, что миграционный кризис предоставил им шанс, стремятся использовать его для того, чтобы перейти из оппозиции во власть. Они понимают, что правящие партии сильнее их, обладают большими возможностями и поэтому им необходимо расширять свою электоральную базу, в том числе и за счет представителей меньшинств, которых они еще совсем недавно позиционировали как «врагов нации». Они отказываются на внешнюю аудиторию от своих наиболее одиозных лозунгов и формально движутся в сторону центра.

Так, французский Национальный фронт был вынужден кардинально поменять идеологию своей партии, сделал ее вполне толерантной, например к ЛГБТ и евреям. То же самое можно сказать про Партию свободы в Голландии, лидер которой Г. Вильдерс отказался в своих публичных выступлениях от антисемитизма и сексизма и т.д.

В Венгрии партия Йоббик, еще недавно прочно имевшая репутацию неонацистской и антисемитской, спешно избавляется от такой репутации.

Ее лидер Габор Вона направил руководству еврейской общины поздравление с праздником Ханука в 2016 г. и демонстрирует заметную либерализацию взглядов, вызывая даже критику рядовых членов партии, и т.д. (Современные ультраправые... 2018: 35).

Впрочем, не следует поспешно переводить партии этой группы из разряда правопопулистских и праворадикальных в разряд правоцентристских. Их родимые пятна никуда не делись, хотя они и упорно стараются их скрыть. Так, лидер «Альтернативы для Германии» Александр Гаулянд заявил в ходе предвыборной кампании в бундестаг, что Германия «должна гордиться своими солдатами, участвовавшими в обеих мировых войнах, а люди должны перестать попрекать немцев Второй мировой войной» (Налина 2017). Его коллега, лидер отделения партии в федеральной земле Тюрингия Бьорн Хеке назвал памятник жертвам Холокоста в Берлине «позором Германии» (В ФРГ правый политик... 2017). Сюда же относится и заявление Марин Ле Пен о необходимости закрытия всех мечетей во Франции (Murray 2017), а также участие в антисемитских акциях в Польше активистов правящей партии «Право и справедливость», на которое обратил внимание даже политкорректный Европейский еврейский конгресс (Halon Eutan 2017). Лидер российской ЛДПР, которая, казалось бы, избавляется от имиджа националистической, В. Жириновский включил в свою программу на президентских выборах 2018 г. откровенно ксенофобские, националистические и мигрантофобские лозунги и сумел получить более 5 % голосов, заняв третье место (ЦИК утвердил итоги выборов президента России... 2018).

Мелкие право- и леворадикальные партии, а также исламисты — это оставшиеся игроки и бенефициары третьего и четвертого уровней, группы «уличного действия». Они генерируют ненависть на бытовом уровне, совершают теракты и преступления на почве ненависти, стремятся занять освобождающуюся крайнюю правую нишу и перетянуть на свою сторону ультраправый электорат, который традиционно голосовал за те партии, которые сегодня, по их мнению, предали прежние идеалы, устремившись во власть. Они более радикальные, чем их предшественники, открыто исповедуют идеологию фашизма и нацизма, подвергают сомнению итоги Второй мировой войны и т.д. Они стремятся сделать все возможное, чтобы их признала улица.

Можно назвать такие из них, как Лига обороны Англии, National Action, Британия первая, Британская национальная партия, Football Lads Alliance в Британии, Forza Nuova, Casa Pound и Fascismo e Libertà («Фашизм и свобода») в Италии, «Право на сопротивление» в Голландии, Движение против иммигрантов Самос SOS, Фронт освобождения Северного Эпира

в Греции, транснациональное движение ПЕГИДА и С18, НДПГ в Германии, незарегистрированная Национально-демократическая партия России, запрещенное в РФ движение «Русские» и многие другие. Правда, в последнее время им не удается собрать больше 5 тыс. человек на свои протестные мероприятия, хотя еще в 2016 г. это были десятки тысяч. К примеру, в событиях в немецком Хеймнице в августе-сентябре 2018 г. праворадикалам удалось вывести на улицы только 4500 протестующих (Thousands protest for and against refugees in Chemnitz... 2018). Однако и этот протест не получил продолжения.

Исламисты также значительно ослабли после поражения ИГИЛ на Ближнем Востоке. Поток рекрутов на Ближний Восток, которых они вербовали в европейских странах, начинает сокращаться. Денежный поток с потерей ИГИЛ нефтяных месторождений также заметно иссяк. Они продолжают работать, как и раньше, заниматься идеологической обработкой молодежи через свои легальные организации, вербуют молодежь в террористические ячейки и даже до сих пор отправляют их в ИГИЛ, но это уже не те масштабы (ФСБ: террористы теряют деньги... 2018).

В реальности опасность представляют собой не каждая по отдельности группа из вышеперечисленных, а процесс. Вернее, два процесса.

1. Взаимосвязь и взаимозависимость всех игроков на поле ксенофобии, поскольку именно эта взаимозависимость расшатывает ситуацию изнутри. Ассимиляционная политика интеграции, активно практикуемая в Европе, является одной из главных предпосылок ксенофобии. Она ведет к социальной изоляции растущей группы представителей национальных и религиозных меньшинств, не готовых к добровольной, а тем более к насильственной ассимиляции. Они закрываются от мира в созданном ими самими гетто, где в условиях самоустранения государства становятся объектом обработки радикалов.

При этом значительная часть традиционного европейского социума, которая хочет видеть свою среду однородной и традиционно «европейской», воспринимает враждебно ту часть меньшинств, которая не желает отказываться от своих традиций и отвергает ассимиляцию. Причем эта ксенофобская прослойка также растет на протяжении последних нескольких лет.

Радикалы самого разного толка используют эту ситуацию для дальнейшего разжигания ненависти, как среди меньшинств, так и среди коренного населения Европы, а правоцентристские партии политического истеблишмента и парламентские ультраправые партии, дрейфующие на встречу друг к другу, стремятся извлечь из этой ситуации максимум политических дивидендов для себя.

Формируется так называемое «кольцо ксенофобии», которое втягивает в процесс формирования ксенофобского мироощущения все больше людей, формируя растущую группу «испуганных избирателей». Эти избиратели готовы отказаться от демократических ценностей во имя цели формирования однородного общества. Чем шире круг этих людей, тем больше радикально настроенных политиков попадает во власть, где они совершают еще большие ошибки в области интеграции, поскольку этого уже требует от них тот самый «испуганный избиратель».

2. Сближение крупных праворадикальных популистских партий и партий политического истеблишмента, поскольку это сдвигает вправо весь политический спектр европейских государств и подвергает угрозам демократические ценности. Это часть «кольца ксенофобии». Партии политического истеблишмента уже не видят проблем в том, чтобы формировать правительство совместно с праворадикалами и популистами. Подобные процессы происходят в Австрии, Италии, Латвии, Дании и ряде других стран. Еще меньше проблем они видят в том, чтобы сотрудничать с праворадикалами по определенным вопросам без вхождения их в правительство. И вот это действительно опасно для единства общества.

Можно привести два примера такого сотрудничества. Правительство Дании, куда входит праворадикальная Датская народная партия, приняло в 2018 г. новый свод правил из 22 пунктов для регулирования жизни в 25 малообеспеченных мусульманских анклавах страны. Люди, проживающие в таких гетто, были отнесены к особой категории граждан, которые фактически поражены в правах. Например, они могут получить срок тюремного заключения, если заставят своих детей совершить длительную поездку в страну их происхождения, описанную в законе как «поездку по переобучению», а на самом деле — для приобщения к исламским и своим национальным ценностям (Barry, Sorensen 2018). Теперь за такое «правонарушение» родители могут быть лишены свободы сроком на четыре года.

За совершение любого правонарушения в пределах этих 25 мусульманских анклавов преступника теперь ожидает удвоение наказания. «Особые меры» ожидают даже младенцев: дети, родившиеся в гетто и достигшие 1 года, будут насильно изыматься из своих семей не менее чем на 25 часов в неделю для обязательного обучения «датским ценностям», включая датский язык, а также... традиции Рождества и Пасхи. Несоблюдение может привести к прекращению социальных выплат от государства, даже если семья не имеет других источников дохода.

Второй пример — Украина, страна, где праворадикалы оказывают существенное влияние на политику правительства, особенно в области культуры, образования и идеологии.

В 2017 г., 28 сентября, здесь вступил в силу новый закон «Об образовании» (Много лет в школе... 2017). Наиболее острым в нем является вопрос о языке образования. Закон вводит фактический запрет на получение образования на любом языке, кроме украинского. С 2018 г. только в младшей школе останутся классы с преподаванием предметов на языках национальных меньшинств. 400 тысяч детей будут дискриминированы в праве получать образование на родном языке.

С пятого класса преподавание предметов на языках национальных меньшинств практически полностью ликвидируется. С 2020 г. образование станет полностью украиноязычным. Все это ухудшает качество образовательной подготовки детей. По выводам международных организаций и исследователей, обучение ребенка на неродном языке ухудшает раскрытие его потенциала на 20–30 %. По словам известной датской ученой Туве Скутнабб-Кангас, занимающейся изучением влияния языка образования на дальнейшую судьбу общин не только в Европе, но и в мире, «обучение детей на неродном языке способствует их дезинтеграции, маргинализации и даже суициду» (Ученый-лингвист: насильственное «погружение»... 2016).

С точки зрения прав человека закон ставит детей из разных языковых групп в неравное положение: позволяет одним быстрее и качественнее овладеть знаниями, а вторым создает проблемы в овладении знаниями. Следовательно, можно предположить, что в условиях обособленного проживания значительная часть детей из семей лингвистических меньшинств не получит необходимых знаний и окажется в худшем положении при поступлении в вуз или на рынке труда. Примерно такой же закон был принят в 2018 г. в Латвии.

Во всех этих случаях речь идет уже не просто о добровольной ассимиляции, которая является нормой в европейских моделях интеграции, а уже о частичном вводе в оборот насильственных методов, поскольку объект лишают выбора. Можно констатировать, что страны, где сформировался симбиоз между праворадикалами и правоцентристской политической элитой, движутся в сторону создания монокультурных и моноэтнических государств, что, в свою очередь, ведет к огромной череде проблем:

- узаконенной дискриминации меньшинств;
- девальвации демократических ценностей в результате конфликта между ценностями и интересами, когда такие ценности, как право выбора, свобода вероисповедания, вступают в противоречие с потребностью ассимиляционной интеграции меньшинств с целью создания однородного общества;

- трансформации политического истеблишмента, поскольку праворадикальные и популистские партии становятся его частью;
- дальнейшей радикализации избирателя под влиянием всех этих факторов.

Теряют здесь все — меньшинство, которое становится объектом еще большей дискриминации на государственном уровне, большинство, которое получает проблемы взаимоотношений с меньшинством и, как следствие, проблемы безопасности, власть, которая получает разьединенное общество со всеми вытекающими последствиями и, наконец, демократия. В выигрыше остаются политические игроки, превратившие ксенофобию в выгодный бизнес. Цена вопроса — место в парламенте, бюджетные деньги, выделяемые на интеграцию, участие в правящей коалиции.

В России пока ситуация иная. Как уже указывалось, в 2017 г. уровень ксенофобии в нашей стране сократился по всем позициям, падение насильственной преступности на почве ненависти составило рекордную для Европы цифру — 32,5 %. Да, в нашей стране не было миграционного кризиса масштабов европейского 2015 г. Иммиграционные потоки в Россию имеют иную природу — это в основном выходцы из стран бывшего СССР, имеющие общие исторические судьбы с Россией, здесь меньше культурный дисбаланс и пр. Поэтому, хотя РФ и занимает четвертое место среди стран — реципиентов миграционных потоков, это принципиально другая иммиграция, чем в Европе. В целом же Россию посещает на порядок меньше иностранцев. По данным МВД, в первой половине 2018 г. в РФ въехало более 9 млн иностранцев (Вельматова 2018). Для сравнения, за 2017 г. Британию посетили 137,9 млн иностранных граждан, включая резидентов (National Statistics 2018).

Но главное другое — в Российской Федерации существуют совершенно иные модели интеграции меньшинств, далекие от ассимиляционных: в соответствии с законодательством, в стране существует 37 государственных языков в республиках в составе РФ, а также 15 языков с официальным статусом (Государственные и официальные языки... 2018), образование в школах, кроме русского, происходит также на 30 языках (Образование на языках народов России 2018).

В Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г. подчеркивается, что Российское государство — это результат «единения народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ» (Стратегия государственной национальной политики 2018). По сути дела, Россия предлагает собственную модель интеграции для мультиэтнических обществ с превалирующим этническим большинством.

Немаловажным является и то, что сегодня в стране отсутствует организованное радикальное политическое движение, будь то ультраправое, левое или исламистское. Украинские события 2014 г. сплотили население вокруг общих целей, а внешние угрозы привели к дальнейшему развитию в России политической нации. События того времени разрушили также протivoестественный симбиоз праворадикалов и либералов, сформировавшийся на фоне антипутинских выступлений 2011 г., а также раскололи самих ультраправых, часть которых поддержала присоединение Крыма к России, а часть выразила поддержку киевским властям. Значительная часть радикалов самых разных направленностей отправилась на Украину, где принимает участие в гражданском конфликте, причем по обе стороны баррикад. Более того, по неподтвержденным данным, более 4000 активистов исламистского подполья с российскими паспортами отправились в прошлые годы в Сирию и Ирак, где присоединились к боевикам (Ксенофобия, радикализм... 2017: 4). Немало ультраправых активистов было арестовано и осуждено по различным статьям УК, многие были вынуждены уехать в эмиграцию.

Все это привело к тому, что в российском обществе существенно сократился запрос на радикализм. Об этом говорит, в частности, то, что на выборах в Государственную Думу 2016 г. практически ни одна партия не выдвигала националистических лозунгов. Использование таковых штабом В. Жириновского на президентских выборах в 2018 г. говорит о том, что этот кандидат не решал в эту кампанию электоральных задач.

В итоге мы имеем сегодня ситуацию, которая, с одной стороны, обеспечивает снижение ксенофобии и радикализма в российском обществе, а с другой — гарантирует защиту от ассимиляции российским меньшинствам, что существенно облегчает им процесс интеграции. Однако это хрупкое равновесие, которое существует до тех пор, пока не меняется структура и объем миграционных потоков и поддерживается приемлемый уровень единства российской политической нации, что сегодня в значительной степени обеспечивается за счет внешних факторов.

Выводы

Компаративный анализ общественных процессов, происходящих в большинстве европейских стран, показывает, что ошибочные действия государства в плане интеграции представителей национальных и религиозных меньшинств лежат в основе роста ксенофобии и радикализма. Сложность заключается в том, что эти ошибки могут охватывать самые разные сферы — от отправления религиозного культа и образования детей до внешнего вида и проживания на определенной территории представителей

меньшинств, как, например, происходит в Дании. Все остальные факторы — культурные различия, социальный консерватизм, повышение привлекательности радикальных идеологических штампов — являются дополнительными или даже вторичными элементами в этом процессе. Главную проблему составляет при этом то, что правящие политические элиты научились использовать эту ситуацию в своих электоральных целях, что обеспечивает раскручивание маховика ксенофобии и радикализма.

Литература

Верховский А. (2015) *Уголовное право стран ОБСЕ против преступлений ненависти, возбуждения ненависти и языка вражды*. М.: ИАЦ «Сова».

Опалев А.В. (2015) Причины радикализма в молодежной среде современного российского общества. *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*, 6: 31–33.

Тишков В.А., Степанов В.В. (ред.) (2014) *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад* М.: УОП ИЭА РАН [<http://valerytishkov.ru/engine/documents/document2179.pdf>] (дата обращения: 02.12.2018).

Шнирельман В.А. (2011) *Порог толерантности. Идеология и практика нового расизма*: в 2 т. М.: НЛЮ.

Энгель В.В. (ред.) (2018а) *Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в Европе. Ежегодный доклад*. М.: Эдитус [[https://www.ru.civic-nation.org/PanEuropean%20Report-2018\(ru\).pdf](https://www.ru.civic-nation.org/PanEuropean%20Report-2018(ru).pdf)] (дата обращения: 02.12.2018).

Энгель В.В. (ред.) (2018б) *Современные ультраправые. Правый радикализм в Европе: идеология, социальная база, перспективы*. М.: Центр мониторинга и компаративного анализа межкультурных коммуникаций Московского института психоанализа [https://www.ru.civic-nation.org/obshcheevropeyskiy-doklad/contemporary_radicalism_rus.pdf] (дата обращения: 04.12.2018)

Alkis O., Steinhardt M. (2014) Immigration and election outcomes — Evidence from city districts in Hamburg. *Regional Science and Urban Economics*, 45(C): 67–79.

Barna I., Hunyadi B. (2017) *Report on Xenophobia, Radicalism and Hate Crime in Hungary in 2016* [https://civic-nation.org/publications/xenophobia_radicalism_and_hate_crime_in_hungary_2016/] (дата обращения: 04.12.2018).

Brunner B., Kuhn A. (2014) Immigration, Cultural Distance and Natives' Attitudes Towards Immigrants: Evidence from Swiss Voting Results. *IZA Discussion Paper No. 8409*. SSRN [<https://ssrn.com/abstract=2492436>] (дата обращения: 02.12.2018).

Chrysovalantis V. (2016) The Mediterranean Refugees Crisis and Extreme Right Parties: Evidence from Greece. *Munich Personal RePEc Archive* [https://mpra.ub.uni-muenchen.de/72222/1/MPra_paper_72222.pdf] (дата обращения: 02.12.2018).

Davis L., Deole S.S. (2017) Immigration and the Rise of Far-Right Parties in Europe. *Ifo DICE Report*, 15(4) [<https://www.cesifo-group.de/DocDL/dice-report-2017-4-davis-deole-december.pdf>] (дата обращения: 02.12.2018).

Dustmann C., Vasiljeva K., Damm A.P. (2016) Refugee Migration and Electoral Outcomes. *CReAM Discussion Paper Series*, 1619. Centre for Research and Analysis of Migration (CReAM), Department of Economics, University College, London [<https://ideas.repec.org/p/crm/wpaper/1619.html>] (дата обращения: 02.12.2018).

Halla M., Wagner A.F., Zweimüller J. (2017) Immigration and Voting for the Far Right. *Journal of the European Economic Association*. 15(6): 1341–1385.

Harmon N.A. (2017) Immigration, Ethnic Diversity and Political Outcomes: Evidence from Denmark. *The Scandinavian Journal of Economics*, 120(4): 1043–1074. <https://doi.org/10.1111/sjoe.12239>.

Kehrberg J.E. (2015) The Demand Side of Support for Radical Right Parties. *Comparative European Politics*, 13(5): 553–576.

Meleady R., Seger C.R., Vermue M. (2017) Examining the role of positive and negative intergroup contact and anti-immigrant prejudice in Brexit. *British Journal of Social Psychology*, 56: 799–808. <https://doi.org/10.1111/bjso.12203>.

Rydgren J. (2018) The Radical Right: An Introduction. In: Rydgren J. (ed.) *The Oxford Handbook of the Radical Right* [<http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780190274559.001.0001/oxfordhb-9780190274559-e-1>] (дата обращения: 13.04.2019).

Vasilopolou S. (2018) The Radical Right and Euroscepticism. In: Rydgren J. (ed.) *The Oxford Handbook of the Radical Right* [<http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780190274559.001.0001/oxfordhb-9780190274559-e-7>] (дата обращения: 02.12.18).

Источники

Вельматова И. (2018) МВД: миграционный кодекс появится в России через семь лет. *Информагентство «ТАСС»* [<https://tass.ru/interviews/5566110>] (дата обращения: 06.12.2018).

В ФРГ правый политик назвал мемориал жертвам Холокоста памятником позора. *Информагентство «ТАСС». Официальный сайт*. 19.01.2017 г. [<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3952772>] (дата обращения: 05.12.2018).

Государственные и официальные языки в субъектах Российской Федерации. *Википедия* [https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственные_и_официальные_языки_в_субъектах_Российской_Федерации] (дата обращения: 06.12.2018).

Гражданская нация [<https://civic-nation.org/publications/>] (дата обращения: 08.12.2018).

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. Страсбург, 5 ноября 1992 года. *Совет Европы*. Официальный сайт [<https://>

www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007c098] (дата обращения: 08.12.2018).

Министерство внутренних дел Российской Федерации «Стратегические сведения по миграционной ситуации», 29 января 2018. [<https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186/>] (дата обращения: 09.12.2018).

Много лет в школе и мало русского языка. Главные нормы закона об образовании. *Интернет портал «Страна.УА»*, 28 сентября 2017 г. [<https://strana.ua/news/95502-osnovnye-novovvedeniya-zakona-ob-obrazovanii.html>] (дата обращения: 06.12.2018).

Образование на языках народов России. *Википедия* [https://ru.wikipedia.org/wiki/Образование_на_языках_народов_России] (дата обращения: 06.12.2018).

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. *Официальный сайт Министерства по делам национальностей Удмуртской Республики* [http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf] (дата обращения: 06.12.2018).

Ученый-лингвист: насильственное «погружение» в неродной язык — это форма геноцида. *Baltnews.ee*, 09.06.2016 [<http://baltnews.ee/mir/20160609/1014873233.html>] (дата обращения: 06.12.2018).

ФСБ: террористы теряют деньги и уходят в соцсети». *Интернет-портал Vesti.ru*, 03.09.2018 [<https://www.vesti.ru/doc.html?id=3056231>] (дата обращения: 05.12.2018).

ЦИК Латвии утвердил результаты выборов в парламент. *РИА НОВОСТИ. Официальный сайт*. 19 октября 2018 г. [<https://ria.ru/20181019/1531056080.html>] (дата обращения: 08.12.2018).

ЦИК утвердил итоги выборов президента России. *Информагентство «ТАСС». Официальный сайт*. Выборы Президента РФ, 23 марта 2018 г. [<http://tass.ru/politika/5058919>] (дата обращения: 05.12.2018).

Энгель В.В. (2015) *Ксенофобия, дискриминация и агрессивный национализм в Европе (январь 2014 — июнь 2015)* [<https://www.ru.civic-nation.org/upload/iblock/cc6/cc624f5e7a44d50b4a356533388c6aae.pdf>] (дата обращения: 08.12.2018).

Barry E., Sorensen M.S. (2018) In Denmark, Harsh New Laws for Immigrant ‘Ghettos’. *The New York Times*, July 1, 2018 [<https://www.nytimes.com/2018/07/01/world/europe/denmark-immigrant-ghettos.html?smprod=nytcore-ipad&smid=nytcore-ipad-share>] (дата обращения: 05.12.2018).

Cowen T. (2017) Europe’s Muslims Are More Integrated Than You Think. *Bloomberg Opinion*, September 7 [<https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-09-07/europe-s-muslims-are-more-integrated-than-you-think>] (дата обращения: 04.12.2018).

Framework Convention for the Protection of National Minorities and Explanatory Report. Strasbourg, February 1995. *Council of Europe*. Official web-site [<https://rm.coe.int/16800c10cf/>] (дата обращения: 08.12.2018).

Gabbatiss J. (2017) Brexit strongly linked to xenophobia, scientists conclude. *The Independent* [<https://www.independent.co.uk/news/science/brexit-prejudice-scientists-link-foreigners-immigrants-racism-xenophobia-leave-eu-a8078586.html>] (дата обращения: 02.12.2018).

Halon E. (2017) Antisemitism in Poland being “normalized”, European Jewish Group warns. *The Jerusalem Post*, September 1, 2017 [<http://www.jpost.com/Diaspora/Antisemitism-in-Poland-being-normalized-European-Jewish-group-warns-503992>] (дата обращения: 05.12.2018).

Johnston I. (2017) Brexit: Anti-immigrant prejudice major factor in deciding vote, study finds. *The Independent* [<https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-racism-immigrant-prejudice-major-factor-leave-vote-win-study-a7801676.html>] (дата обращения: 02.12.2018).

Murray D. (2017) Is Marine Le Pen really far-right? *The Spectator*, 6 May [<https://www.spectator.co.uk/2017/05/is-marine-le-pen-really-far-right/>] (дата обращения: 05.12.2018).

National Statistics. Summary of latest, published 25 May 2018. *Home Office* [<https://www.gov.uk/government/publications/migration-statistics-year-ending-march-2018/summary-of-latest-statistics>] (дата обращения: 06.12.2018).

Netherlands: Three New Laws Adopted to Further Counterterrorism Efforts. 2017. *Library of Congress* [<http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/netherlands-three-new-laws-adopted-to-further-counterterrorism-efforts/>] (дата обращения: 04.12.2018).

Netherlands PM says those who don't respect customs should leave. *The Guardian*, Mon.23 Jan. 2017 [<https://www.theguardian.com/world/2017/jan/23/netherlands-pm-mark-rutte-dutch-citizens-open-letter-pvv>] (дата обращения: 04.12.2018).

THE MODERN EUROPEAN RADICALISM: A COMPARATIVE ANALYSIS

Valery Engel (engel@inpsycho.ru)

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Citation: Engel V. (2019) Sovremennyy yevropeyskiy radikalizm: komparativnyy analiz [The modern European radicalism: a comparative analysis] *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(1): 138–161 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.7>

Abstract. The article describes the socio-political model of generation of xenophobia and radicalism (the “Ring of xenophobia”), which has been formed today in the countries of Western and Eastern Europe. The novelty of the paper lies in the analysis given on the example of a wide sample of European countries, both within and outside the EU. Using the methods of comparative analysis, the author traces the general trends in the formation of xenophobic attitudes and, most importantly, the role of the State and political players in this process. The author concludes that the formation of xenophobic and radical sentiments in Europe is a process that fully meets not only the interests of ultra-radical parties and groups, but also the interests of the ruling elites, because it allows them to remain in power indefinitely as long as the xenophobic-minded voter exists. For this, the elite is ready for open and hidden alliances with radical rights parties. However, this phenomenon has another side — the gradual slipping of society and political elites to the right and the gradual corrosion of democratic institutions. The author draws special attention to the Russian case, exploring both general trends related to the topic of xenophobia and radicalism in Europe and differences in the Russian situation. Firstly, xenophobia and radicalism are reduced in Russian society, secondly, there is the protection against assimilation to Russian minorities. Both factors greatly facilitate the integration process. However, this balance is fragile; it exists as long as the structure and volume of migration flows remain unchanged and the acceptable level of unity of the Russian political nation is maintained, which today is largely due to the external factors.

Keywords: xenophobia, radicalism, minorities, assimilation, hate crime, integration.

References

- Alkis O., Steinhardt M. (2014) Immigration and election outcomes — Evidence from city districts in Hamburg. *Regional Science and Urban Economics*, 45(C): 67–79.
- Barna I., Hunyadi B. (2017) *Report on Xenophobia, Radicalism and Hate Crime in Hungary in 2016* [https://civic-nation.org/publications/xenophobia_radicalism_and_hate_crime_in_hungary_2016/] (accessed: 04.12.2018).
- Brunner B., Kuhn A. (2014) Immigration, Cultural Distance and Natives' Attitudes Towards Immigrants: Evidence from Swiss Voting Results. *IZA Discussion Paper No. 8409*. SSRN [<https://ssrn.com/abstract=2492436>] (accessed: 02.12.2018).
- Chrysovalantis V. (2016) The Mediterranean Refugees Crisis and Extreme Right Parties: Evidence from Greece. *Munich Personal RePEc Archive* [https://mpra.ub.uni-muenchen.de/72222/1/MPra_paper_72222.pdf] (accessed: 02.12.2018).
- Davis L., Deole S.S. (2017) Immigration and the Rise of Far-Right Parties in Europe. *Ifo DICE Report*, 15(4) [<https://www.cesifo-group.de/DocDL/dice-report-2017-4-davis-deole-december.pdf>] (accessed: 02.12.2018).
- Dustmann C., Vasiljeva K., Damm A.P. (2016) Refugee Migration and Electoral Outcomes. *CREAM Discussion Paper Series*, 1619. Centre for Research and Analysis of Migration (CREAM), Department of Economics, University College, London [<https://ideas.repec.org/p/crm/wpaper/1619.html>] (accessed: 02.12.2018).
- Engel V.V. (ed.) (2018a) *Ksenofobiya, radikalizm i prestupleniya na pochve nenavisti v Yevrope. Yezhegodnyy doklad* [Xenophobia, radicalism and hate crimes in Europe.

Annual report]. M.: Editus [[https://www.ru.civic-nation.org/Panuropean%20Report-2018\(ru\).pdf](https://www.ru.civic-nation.org/Panuropean%20Report-2018(ru).pdf)] (accessed: 02.12.2018) (in Russian).

Engel V.V. (ed.) (2018b) *Sovremennyye ul'trapravyye. Pravyy radikalizm v Yevrope: ideologiya, sotsial'naya baza, perspektivy* [Modern ultra-rightists. Right radicalism in Europe: ideology, social base, perspectives]. Moscow: Center for Monitoring and Comparative Analysis of Intercultural Communications of the Moscow Institute of Psychoanalysis [https://www.ru.civic-nation.org/obshcheevropeyskiy-doklad/contemporary_radicalism_rus.pdf] (accessed: 04.12.2018) (in Russian).

Halla M., Wagner A.F., Zweimüller J. (2017) Immigration and Voting for the Far Right. *Journal of the European Economic Association*. 15(6): 1341–1385.

Harmon N.A. (2017) Immigration, Ethnic Diversity and Political Outcomes: Evidence from Denmark. *The Scandinavian Journal of Economics*, 120(4): 1043–1074. <https://doi.org/10.1111/sjoe.12239>.

Kehrberg J.E. (2015) The Demand Side of Support for Radical Right Parties. *Comparative European Politics*, 13(5): 553–576.

Meleady R., Seger C.R., Vermue M. (2017) Examining the role of positive and negative intergroup contact and anti-immigrant prejudice in Brexit. *British Journal of Social Psychology*, 56: 799–808. <https://doi.org/10.1111/bjso.12203>

Opalev A.V. (2015) Prichiny radikalizma v molodezhnoy srede sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Causes of radicalism among the youth of modern Russian society] *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii* [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 6: 31–33 (in Russian).

Rydgren J. (2018) The Radical Right: An Introduction. In: Rydgren J. (ed.) *The Oxford Handbook of the Radical Right* [<http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780190274559.001.0001/oxfordhb-9780190274559-e-1>] (accessed: 13.04.2019).

Shnirelman V.A. (2011) *Porog tolerantnosti. Ideologiya i praktika novogo rasizma* [The threshold of tolerance. Ideology and practice of new racism], Vol. 1–2. Moscow: NLO (in Russian).

Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds.) (2014) *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh v 2013 godu. Yezhegodnyy doklad* [The ethno-political situation in Russia and neighboring countries in 2013. Annual report] M.: UOP IEA RAS [<http://valerytishkov.ru/engine/documents/document2179.pdf>] (accessed: 02.12.2018) (in Russian).

Vasiloupolou S. (2018) The Radical Right and Euroscepticism. In: Rydgren J. (ed.) *The Oxford Handbook of the Radical Right* [<http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780190274559.001.0001/oxfordhb-9780190274559-e-7>] (accessed: 02.12.18).

Verkhovskiy A. (2010) *Ugolovnoye pravo stran OBSE protiv prestupleniy nenavisti, vzbuzhdeniya nenavisti i yazyka vrazhdy* [Criminal law of the OSCE countries against hate crimes, incitement to hatred and hate speech]. Moscow: «Sova» (in Russian).